

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ ИНДОНЕЗИЯ

РЕЗЮМЕ РЕШЕНИЙ № 71/PUU-XIX/2021

Хищение фидуциарной гарантии, процесс исполнения и уполномоченные лица в процессе исполнения фидуциарной гарантии

- Заявители** : Йоханес Халим и Сиилфани Ловатта Халим
- Форм судебного процесса** : Проверка Уголовного кодекса (КУНП) и Закона № 42/1999 о фидуциарных гарантиях (Закон 42/1999) на соответствие Конституции Республики Индонезия 1945 года (UUD 1945).
- Судебный иск** : Проверка статьи 372 Уголовного кодекса и статьи 30 и Пояснения к статье 30 Закона 42/1999 на соответствие Конституции 1945 года.
- Судебный запрет** : 1. Удовлетворить ходатайство Заявителей частично;
2. Признать, что словосочетание "уполномоченная сторона" в Пояснении к ст. 30 Закона № 42/1999 о фидуциарной гарантии (Государственный вестник Республики Индонезия 1999 г. № 168, Дополнение к Государственному вестнику Республики Индонезия № 3889) противоречит Конституции 1945 г. и не имеет обязательной юридической силы в той мере, в какой оно не трактуется как "окружной суд";

3. Распорядиться о публикации настоящего Решения в Государственном вестнике Республики Индонезия в установленном порядке;

4. Отказать в удовлетворении ходатайства заявителей в остальной части.

Дата : Четверг, 24 февраля 2022 г.

РЕЗЮМЕ РЕШЕНИЙ

Заявители являются гражданами Индонезии и состоят в браке, зарегистрированном 14 февраля 2015 г. в Джакарте в соответствии со Свидетельством о браке № 218/JU/PK/2015.

Что касается полномочий суда, то ходатайство Истцов является ходатайством о проверке конституционности законодательной нормы, в данном случае Уголовного кодекса (далее - УК) и Закона № 42/1999 о фидуциарных гарантиях (далее - Закон 42/1999), против Конституции 1945 г., так что суд имеет полномочия рассматривать данное ходатайство.

Что касается правового положения заявителей, то Заявитель I был задержан сотрудниками полиции и помещен в тюрьму Polda Metro Jaya по обвинению в хищении на основании статьи 372 Уголовного кодекса и статьи 36 Закона 42/1999. А Заявитель II как жена Заявителя I фактически принимала активное участие в выплате взносов или кредита за автомобиль, который являлся объектом фидуциарной гарантии, так что когда фидуциарный получатель или кредитор сообщил Заявителю I о том, что он является должником, а затем был арестован и задержан, то Заявитель II, прямо или косвенно, был бы арестован и задержан.

Заявитель II, прямо или косвенно, понес убытки. Что арест и задержание Заявителя I были основаны на положениях ст. 372 Уголовного кодекса, что нанесло ущерб и вызвало правовую неопределенность для Истцов. Правовая неопределенность предполагается потому, что неуказание объекта фидуциарной гарантии, который станет правом должника, поскольку он охраняется как имущество, находящееся под его контролем, было заявлено как растрата, что противоречит пункту (1) статьи 28D, пункту (1) статьи 28G и пункту (4) статьи 28H Конституции 1945 года. Таким образом, независимо от того, будет ли доказана неконституционность норм статьи 372 Уголовного кодекса и статьи 30 Закона 42/1999 и Пояснений к нему, суд считает, что истцы обладают правоспособностью для подачи данного ходатайства.

Поскольку ходатайство заявителей понятно, то, исходя из статьи 54 Закона о Конституционном суде, нет необходимости в заслушивании показаний сторон, как это предусмотрено статьей 54 Закона о Конституционном суде.

Что против ходатайства а quo имеются два запроса о вступлении в качестве связанных сторон, а именно PT BCA Finance и Ассоциация индонезийских финансовых компаний (APPI), но поскольку ходатайство а quo на основании рассмотренных судом соображений было достаточно ясным, то нет необходимости в дальнейших слушаниях с повесткой дня о доказательствах и вызове сторон, как это предусмотрено в статье 54 Закона о Конституционном суде. Поэтому, по мнению суда, нет смысла принимать заявление Связанной стороны, и оно должно быть отклонено. В связи с этим суд издал Постановление о связанной стороне.

Статья 30 и Пояснение к статье 30 Закона 42/1999 были представлены на пересмотр и были решены Судом в Постановлении Конституционного суда № 19/PUU-XVIII/2020 от 25 июня 2020 г. Рассмотрев ходатайство Заявителя а quo и ходатайство по предыдущему делу, Суд считает, что существует реальная разница в основании проверки и причине ходатайства а quo о пересмотре статьи 30 и Пояснения к статье 30 Закона 42/1999 с ходатайством по делу № 19/PUU-XVIII/2020. Таким образом, основываясь на данных юридических фактах, суд считает, что ходатайство соответствует положениям статьи 60 Закона о Конституционном суде и статьи 78 РМК 2/2021, поэтому оно может быть направлено повторно.

Что касается вопроса о конституционности, поставленного заявителями, то, по сути, речь идет о неконституционности статьи 372 Уголовного кодекса как основного ходатайства заявителей, которое может быть понято судом. Суду важно подчеркнуть следующие моменты:

Заявители утверждали, что норма статьи 372 Уголовного кодекса, которая гласит: "Любое лицо, умышленно и незаконно завладевшее имуществом, которое полностью или частично принадлежит другому лицу, но находится в его владении в результате отсутствия преступления, должно, будучи виновным в растрате, наказываться максимальным лишением свободы на четыре года или максимальным штрафом в размере девятисот рупий", Противоречит Конституции 1945 г. в той мере, в какой не трактуется как "Тот, кто умышленно завладеет против права вещью, которая полностью или частично принадлежит другому и находится в его владении без преступления, наказывается за растрату лишением свободы на срок не более четырех лет или штрафом не более девятисот рупий, за исключением предметов доверительного обеспечения, которые не предъявлены должником из-за отсутствия соглашения о неисполнении и должник добровольно не сдает предмет доверительного обеспечения". Или, если в нем не содержится смысла, что в действиях должника, не предъявившего объект фидуциарного обеспечения для защиты от одностороннего изъятия кредитором в связи с отсутствием соглашения о дефолте, не усматривается состава уголовного преступления в виде растраты.

Что касается аргументов заявителей а quo, то суду важно прежде всего обратить внимание на уголовное право. Уголовное право - это часть публичного права, регулирующая отношения между индивидами/обществом и государством в виде норм, сопровождаемых предписаниями и угрозами санкций для тех, кто их нарушает. Уголовное право включает в себя или состоит из общего уголовного права и специального уголовного права. При этом, с

доктринальной точки зрения, общее уголовное право - это уголовное право, распространяющееся на всех, вытекающее из Уголовного кодекса, а специальное уголовное право - это уголовное право, распространяющееся на определенных лиц, вытекающее/регулируемое в различных законах и подзаконных актах, не входящих в Уголовный кодекс.

Заявители требовали судебного пересмотра положений статьи 372 Уголовного кодекса, включенной в главу XXIV "Растрата", которая является частью общих положений уголовного законодательства. В своем заявлении истцы просят придать положениям статьи 372 Уголовного кодекса специальное исключительное значение для уголовных преступлений, связанных с фидуциарными гарантиями. По мнению суда, то, о чем просят истцы, коренным образом изменит конструкцию правовых норм, содержащихся в ст. 372 УК. Это связано с тем, что конструкция правовых норм ст. 372 УК является универсальной, а значит, сфера действия данной нормы может быть обращена на любой объект, совершенный любым субъектом права, подозреваемым в совершении уголовного преступления, отвечающего признакам состава уголовного преступления хищения. Таким образом, уголовное преступление в виде хищения не может ассоциироваться только с определенными видами юридических действий, как то исключение, которого добиваются истцы. Таким образом, если добавить фразу "за исключением объекта фидуциарного обеспечения, который не предъявлен должником, поскольку отсутствует соглашение о неисполнении обязательств и должник добровольно не сдает объект фидуциарного обеспечения", или, если в нем не будет содержаться смысл о том, что в отношении должника, не предъявившего предмет фидуциарного обеспечения для защиты от одностороннего изъятия кредитором в связи с отсутствием соглашения о дефолте, не усматривается состава преступления в виде растраты", как просит учесть Заявитель, то это фактически сузит сферу действия природы норм ст. 372 УК и приведет к правовой неопределенности. Между тем в положениях Закона 42/1999 есть несколько уголовно-правовых норм, связанных с применением первичной нормы, как, например, положения ст. 35 Закона 42/1999, регулирующие деяние по умышленной фальсификации, изменению, опущению или предоставлению каким-либо образом недостоверной информации, которая, если она известна одной из сторон, не порождает договор фидуциарной гарантии, а также ст. 36 Закона 42/1999, регулирующая уголовные санкции для фидуциара, который передает, закладывает или сдает в аренду объект фидуциарной гарантии. Таким образом, если считается, что проблема с установлением уголовных санкций за нарушение фидуциарного договора все еще существует, то законодатели уполномочены ее регулировать, если только вопрос нарушения не связан с конституционностью нормы, тогда суд уполномочен ее рассматривать.

Исходя из вышеизложенных правовых соображений, доводы заявителей о неконституционности норм статьи 372 Уголовного кодекса являются необоснованными с точки зрения закона.

Заявители также утверждают, что неконституционность норм статьи 30 Закона 42/1999 и ее разъяснения неотделима от рассмотрения разъяснения пункта (2) статьи 15 Закона 42/1999, которое было принято Конституционным судом в Постановлении Конституционного суда № 18/PUU-XVII/2019 от 6 января 2020

года и подтверждено в Постановлении Конституционного суда № 2/ПУУ-ХІХ/2021 от 31 августа 2021 года.

Что касается аргументов заявителей а quo, то суду важно сначала процитировать Постановление Конституционного суда № 18/ПУУ-ХVІІ/2019, пункт [3.19], касающийся разъяснения статьи 15 п. (2) Закона 42/1999.

Кроме того, в Постановлении Конституционного суда № 2/ПУУ-ХІХ/2021, параграф [3.14.2] и параграф [3.14.3], Суд подтвердил в связи с вопросом о конституционности исполнительной силы фидуциарных сертификатов безопасности

Что касается аргументов заявителей а quo, то, по мнению Суда, правовые соображения, содержащиеся в Постановлении Конституционного суда № 18/ПУУ-ХVІІ/2019 и Постановлении Конституционного суда № 2/ПУУ-ХІХ/2021, фактически дали четкий ответ на процедуры или порядок сдачи объектов фидуциарного обеспечения, так что опасения заявителей относительно возникновения одностороннего исполнения или произвольного изъятия, осуществляемого кредиторами, не будут иметь места. Это объясняется тем, что суд счел также, что процедура исполнения фидуциарных гарантийных сертификатов, регулируемая другими положениями Закона 42/1999, должна быть приведена в соответствие с Постановлением Конституционного суда № 18/ПУУ-ХVІІ/2019. Это означает, что решение а quo в отношении разъяснения пункта (2) статьи 15 не является самостоятельным, поскольку положения других статей Закона 42/1999, касающихся процедуры исполнения, также должны следовать и соответствовать решению а quo, включая положения статьи 30 Закона 42/1999 и разъяснения к ней. Таким образом, кредитор не может осуществить собственное исполнение силой, например, обратившись за помощью к полиции, в случае, если нарушение обещания (дефолт) лицом, предоставляющим фидуциарные права (должником), в отношении кредитора не было признано должником, и должник возражает против добровольной передачи предмета фидуциарного соглашения. В этом случае суд подтвердил в Постановлении Конституционного суда № 2/ПУУ-ХІХ/2021, что кредитор должен обратиться с требованием об исполнении в районный суд.

В отношении исполнения гарантии фидуциарного объекта Суду важно подчеркнуть, что фидуциарный договор - это правоотношение гражданского (частного) характера, поэтому полномочия полицейского аппарата ограничиваются обеспечением исполнения в случае необходимости, а не в качестве исполнительной стороны, за исключением случаев, когда действия содержат состав преступления, тогда полицейский аппарат имеет полномочия только по исполнению уголовного законодательства. Таким образом, что касается выражения "уполномоченная сторона" в Пояснении к ст. 30 Закона 42/1999, то его также следует трактовать как "районный суд", как сторону, которую просят оказать содействие в проведении казни.

Исходя из вышеизложенного, доводы истцов о том, что статья 30 Закона 42/1999 вызывает правовую неопределенность, предусмотренную статьей 28D(1) Конституции 1945 г., и исключает право на защиту себя, семьи, чести и

достоинства, предусмотренное статьей 28G(1) Конституции 1945 г., являются необоснованными с точки зрения закона.

Между тем, доводы заявителей относительно фразы "компетентный орган" в Пояснении к ст. 30 Закона 42/1999, которая вызвала правовую неопределенность, гарантированную ст. 28D(1) Конституции 1945 года, и лишила их права на защиту себя, семьи, чести и достоинства, гарантированного ст. 28G(1) Конституции 1945 года, юридически обоснованы в части.

Что, исходя из приведенного выше описания правовых соображений, доводы заявителей являются обоснованными в соответствии с законом в части.

Таким образом, суд выносит следующее решение:

1. Удовлетворить ходатайство Заявителей частично;
2. Признать, что словосочетание "уполномоченная сторона" в Пояснении к ст. 30 Закона № 42/1999 о фидуциарной гарантии (Государственный вестник Республики Индонезия 1999 г. № 168, Дополнение к Государственному вестнику Республики Индонезия № 3889) противоречит Конституции 1945 г. и не имеет обязательной юридической силы в той мере, в какой оно не трактуется как "окружной суд";
3. Распорядиться о публикации настоящего Решения в Государственном вестнике Республики Индонезия в установленном порядке;
4. Отказать в удовлетворении ходатайства Истцов в остальной части.